

В.А. Погосян

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕРВАЯ ИМПЕРИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ СПОРОВ (О книге Э. Лёверса)

Новая книга главного редактора журнала *Annales historiques de la Révolution française*, профессора университета Лилль III Эрве Лёверса «Французская революция и Империя. Франция, преобразованная революцией (1787–1815)»¹ выделяется в безбрежном океане существующей ныне литературы по истории революционной и наполеоновской эпох оригинальностью и композиции, и поставленных автором задач. Это – отнюдь не монографическое исследование, посвященное конкретной научной теме. Э. Лёверс ставит перед собой иную, гораздо более сложную задачу – представить сквозь призму современных историографических споров свое видение истории Франции 1787–1815 гг. Этот период, который по его определению, «занимает особое место в национальной истории» (с. 7), он трактует в свете новейших достижений французской и зарубежной научной литературы последних двух десятилетий за исключением, увы, российской, по-прежнему недоступной для французских исследователей из-за языкового барьера.

Э. Лёверс рисует обширное полотно исторической эпохи во всей ее многогранности. Но мы в этой рецензии остановимся лишь на самых важных аспектах, оказавшихся в центре внимания автора, и постараемся осветить его собственную интерпретацию ключевых событий того периода.

Определение хронологических рамок Французской революции XVIII в. изначально вызывало в историографии принципиальные расхождения и оживленные дискуссии. Взятие Бастилии служило для подавляющего большинства историков незыблемой точкой отсчета для определения начала Революции. Однако, поскольку некоторые авторы, в том числе Ж. Годшо², датировали начало революционных потрясений 1787 г., Э. Лёверс также начинает изложение материала с этой даты, хотя саму Французскую революцию он ограничивает рамками 1789–1799 гг.³ К тому же он поясняет, что в Новой истории можно найти мало перио-

¹ *Leuwers H.* La Révolution française et l'Empire. Une France révolutionnée (1787–1815). Paris: Presses Universitaires de France, 2011. 276 p.

² *Godechot J.* La Révolution française. Chronologie commentée, 1787–1799. Paris. 1988.

³ Письмо Э. Лёверса В.А. Погосяну от 3 октября 2011 г. Личный архив автора.

дов, когда монархическое государство, испытывало бы столько трудностей, которые можно охарактеризовать как «кризисные» (с. 31).

Намного сложнее в историографии обстояло дело с уточнением конечной даты Революции. Начиная с историков эпохи Реставрации и заканчивая нашими современниками (включая отечественных авторов), исследователи высказывали самые разноречивые, порою прямо противоположные суждения на сей счет, считая концом Революции то термидорианский, то брюмерианский перевороты, а то и другие события – вплоть до Третьей Республики (Ф. Фюре).

Э. Лёверс объясняет такое множество подчас несовместимых между собой интерпретаций, предлагавшихся его предшественниками, тем, что выдвинутые в 1790-х гг. революционные принципы претворялись в жизнь на протяжении XIX в. не сразу, а по частям, что те же историки по-разному воспринимали эти принципы и что немалое влияние на их трактовку оказывала политическая борьба (с. 10). Сам же автор предпочел ограничить свое повествование 1787–1815 гг., считая, что процесс революционных трансформаций, вне зависимости от того, какие он формы принимал, продолжался до падения Первой империи.

Неизменно горячие споры между историками Французской революции вызывал вопрос об уточнении места Революции в социально-экономическом и политическом развитии Франции: была ли она разрывом со Старым порядком или характеризовалась преемственностью с его социальными и политическими институтами, как полагали А. Токвиль, а вслед за ним и другие, в частности, представители критического течения историографии? Признавая связь Революции с реалиями второй половины XVIII в., Э. Лёверс, однако, считает важным подчеркнуть оригинальность революционных перемен и присущий им дух обновления (с. 13).

Обсуждая не менее сложный вопрос о влиянии Французской революции на революционные события в других странах рубежа XVIII–XIX вв. и касаясь теории «атлантической революции», Э. Лёверс обращает внимание не только на принципиальные различия между революциями на европейском и американском континентах, как издавна поступали критики этой теории, но и на общие для них черты, неоднократно фиксируя взаимозависимость этих событий. К примеру, он констатирует влияние Парижского восстания 14 июля 1789 г. на перемены в Австрийских Нидерландах, в результате которых Брабантская революция в этих регионах вступила в «решающую фазу» (с. 56). Отмечает он и то, что неудачи некоторых из революций (в Швейцарии, в Нидерландах) и в особенности перспектива вмешательства иностранных держав не только пугали многих современников, но и отталкивали их от возможных революционных перемен у себя в стране (с. 25).

В конечном итоге, автор рассматривает Французскую революцию как глубоко «национальное» событие. Сразу же после ее начала, помимо представителей трех сословий, в нее включились и широкие слои общества. Позднее это побудило некоторых историков выдвинуть гипотезу о разворачивании в 1789–1794 гг. нескольких параллельных революций – революций буржуазии, крестьянства и элит. Однако Э. Лёверс не разделяет подобной гипотезы, так как уверен, что несмотря на специфику мотиваций, вызывавших как сближение, так и столкновения между различными участниками Французской революции, «эти движения были взаимозависимы, испытывали взаимное влияние и сливались таким образом в единый поток» (с. 55). С этим выводом, как нам представляется, трудно спорить.

Подчеркивая политические аспекты набиравшего обороты еще в 1789 г. революционного движения, Э. Лёверс обращает внимание, в частности, на такое появившееся накануне Революции явление, как превращение «коллективного насилия» в политический акт. Это произошло во время восстания на фабрике Ревельона, когда в апреле 1789 г. рабочие Сент-Антуанского предместья выступили с политическими лозунгами – «свобода» и «да здравствует третье сословие» (с. 42, 44).

Тем не менее для автора Французская революция – это, прежде всего, социальный переворот. Декреты 4–5 августа 1789 г., он оценивает как «существенный поворот, сломавший Старый порядок и позволивший установить новый». Этот же поворот привел к упразднению «феодалного режима» (с. 58). Видя в подобной «юридической революции» своего рода исходный импульс, Э. Лёверс считает конечной датой борьбы за передел земельной собственности принятие якобинцами закона 17 июля 1793 г., который отменил все сеньориальные повинности (с. 83). Якобинское аграрное законодательство, по его убеждению, было в целом направлено на коренную трансформацию страны (с. 113).

Попутно отметим также, что, не входя в подробности проблематики развития капиталистических отношений во французской экономике Старого порядка и обходя молчанием споры его предшественников на эту тему (в особенности между историками-марксистами и представителями критического течения), автор использует термин «феодализм» исключительно в кавычках, что косвенно свидетельствует о его собственном скептическом отношении к целесообразности применения этого понятия для характеристики социально-экономических отношений конца XVIII в.

К слову сказать, не только в своей трактовке Французской революции как социального переворота, но и по ряду других существенных проблем Э. Лёверс близок к «классической» интерпретации Революции.

К примеру, он неизменно подчеркивает определяющую роль народных масс в Революции на разных ее стадиях: в июльских событиях 1789 г., в октябрьском походе на Версаль, в августовском восстании 1792 г., которое характеризует как исключительно политическое событие (с. 106), а не так называемую «вторую революцию», подобно некоторым исследователям.

В размышлениях автора о революционных трансформациях, затронувших основы французского общества в различных сферах – социальной, религиозной, культурной, внешнеполитической, приоритетное место отведено созданию единого «национального пространства», которое открывало путь для внедрения общего для всей страны законодательства, к превращению французов в полноправных граждан единой нации и к росту их политической активности (зарождение и деятельность политических клубов), а также привело к замене права короля правом нации, что Э. Лёверс характеризует как «прогрессивное» нововведение (с. 68).

В историографии Французской революции, включая советскую, ни одно событие не вызывало столь оживленных споров, как якобинский террор. Вкратце обозначая основные расхождения, разделявшие как современников, так и историков, Э. Лёверс предлагает свою интерпретацию, рассматривая возникновение политики насилия в двух аспектах: с одной стороны, в контексте необходимости противостояния одновременно восстаниям в западных департаментах и грабегам толпой типографий жирондистов весной 1793 г., с другой – боязни, которую внушали летом 1793 г. депутатам Конвента и санкулотам вооруженное восстание в Вандее, федералистский мятеж и действия контрреволюционеров (убийство Марата) (с. 115–116). В этом отношении его интерпретация близка к подходу А.З. Манфреда и Ж. Годшо, полагавших, что установление политики революционного террора стало, прежде всего, ответом на деятельность контрреволюции⁴.

Однако, не вдаваясь в перипетии развертывания террора в 1794 г., автор умалчивает о постепенном превращении политики насилия якобинскими лидерами в орудие «урегулирования» своих взаимоотношений с политическими оппонентами. Упомянув о 1300 жертвах террора за пять декад, предшествовавших перевороту 9 термидора, он ни словом не обмолвился об их разнородном социальном составе, наглядно свидетельствующем об изменении предназначенного для гильотины контингента: от контрреволюционных элементов к политическим деятелям и представителям народных «низов». Напротив, стоит отметить одно из замечаний автора, согласно которому определение «Великий террор»

⁴ Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978. С. 338, 359; *Go-dechot J.* Op. cit. P. 145.

отчасти обманчиво, поскольку, намекая на имевшие место в Париже жестокие репрессии после 22 прериаля II года, оно в то же время не отражает снижения уровня «судебного террора» в провинции и потому несколько искажает картину реальности (с. 121).

Разрыв с наследием II года после термидорианского переворота Э. Лёверс считает лишь частичным, а вызвавшее в революционной историографии споры понятие «термидорианской реакции», он, как и Д.Ю. Бовыкин⁵, трактует лишь как ответ современников на якобинский террор (с. 130).

Можно согласиться с Э. Лёверсом в признании эпохи Директории составной частью Французской революции. Не случайно в одной из глав, озаглавленной «Республика во Франции (1792–1799)», он представляет этот период как своего рода «республиканский монолит». Для автора Директория – «основополагающий эпизод», время споров, экспериментов, баталий демократических и контрреволюционных сил, период коренных преобразований в республике. Однако, говоря о характеристике этого периода истории Революции некоторыми историками как «буржуазной республики», он почему-то умалчивает о более нейтральной оценке Директории как «формы правления», предложенной Ж.-Р. Сюратто.

Э. Лёверс анализирует политику Директории, не только следуя традиционному подходу – в свете борьбы правительства против «левых» и «правых», но и на основе данных новейшей исторической литературы – обращая внимание на достижения в таких важных сферах, как финансовая, фискальная, административная, образование, культура и т.д. В этом, несомненно, проявляется влияние произошедшего в последние десятилетия пересмотра западными исследователями исторического значения деятельности Директории.

Оставляя в стороне выяснение причин неустойчивости политики Директории, автор объясняет антиконституционные действия правительства стремлением к сохранению республиканского строя. Переворот 18 фрюктидора, как он полагает, создал благоприятные условия для деятельности «республиканских демократов» (с. 142). Вслед за Сюратто Э. Лёверс избегает характеристики событий 22 флореаля VI года как «государственного переворота». Одним из достоинств его книги следует признать убедительный анализ расклада политических сил накануне переворота 18 брюмера. Его автор связывает не амбициями Бонапарта, а с чаяниями подготовивших переворот «ревизионистов», стремившихся «покончить с экспериментами Директории и установить вместо нее сильную исполнительную власть» (с. 156). Бонапарта же он считает всего лишь «шпагой» заговорщиков: ему, по воле обстоятельств, было суждено

⁵ Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005. Глава 1.

осуществить переворот, подготовленный еще до его прибытия из Египта. В этом представлении Э. Лёверса близки точке зрения А.З. Манфреда.

Достойна упоминания трактовка Э. Лёверсом внешней политики Директории. На примере создания «дочерних республик» и республиканских преобразований Бонапарта в Италии автор раскрывает суть захватнической внешней политики Директории, сводившейся, как он отмечает, к укреплению позиций Франции на европейском континенте, а не к распространению любой ценой революционных идей в Европе (с. 162–163).

В отличие от ряда историков, Э. Лёверс четко отделяет Консульство от Первой империи, прослеживая постепенную эволюцию действовавших механизмов власти с установлением авторитарного режима Бонапарта. Консульство он считает «оригинальным эпизодом Первой Республики», когда превратившиеся в «брюмерянцев» бывшие «ревизионисты» горели желанием укрепить исполнительную власть за счет законодательной, чтобы построить новую республику. Тогда же в сознании многих современников прочно закрепился образ Бонапарта (благодаря его умелой пропаганде собственных успехов в предшествовавшие годы) не только как военного гения, но и как миротворца и искреннего республиканца, способного обеспечить желанный всеобщий мир и упрочить завоевания Революции. Иначе говоря, установление личной власти Бонапарта, по мнению Э. Лёверса, определялось сложившимися в стране объективными обстоятельствами. Впрочем, автор придает определенное значение и властолюбивым чаяниям первого консула, повлиявшим на разработку Конституции VIII года (с. 183). Преобразования периода Консульства Э. Лёверс интерпретирует в свете проявившихся тогда в обществе новых тенденций к усилению исполнительной власти. Если в финансовой и юридической сферах он отмечает у Бонапарта явную преемственность с политикой Директории, то реформирование административной сферы характеризует как «явный разрыв» с прошлым, поскольку оно ознаменовало «возобновление централизации» государства (с. 186).

В центре внимания Э. Лёверса находятся и усилия Бонапарта, направленные на стабилизацию ситуации в стране путем умиротворения противоборствовавших сторон с целью достижения консенсуса (амнистия эмигрантам, примирение государства и папства). В целом, учреждение лицеев, Почетного легиона и Гражданского кодекса, как полагает автор, было направлено на консолидацию нового гражданского порядка (с. 193). И если 1802 г. явно обозначил укрепление власти руководителя государства, то накануне провозглашения империи Бонапарт уже предпринял такие шаги (в частности, убийство герцога Энгиенского), которые в глазах общественности представляли его отнюдь не «реставратором» монархии, а скорее «детищем Революции».

Одним из основных достоинств подхода Э. Лёверса, безусловно, является стремление непредвзято рассмотреть процесс последовательного установления «авторитарного», пользуясь его выражением, режима Наполеона. По его мнению, этот режим олицетворял верность как революционному наследию (эта – одна из центральных идей автора), так и установленному Консульством социальному и религиозному порядку (с. 206–207). Отнюдь не случайно автор придает большое значение таким предпринятым императором шагам, как замена республиканской символики новой (упразднение республиканского календаря, появление на монетах слов «Французская империя» вместо «Французская республика» и т.д.) ради увековечивания культа императора и прославления его армии, создание новой элиты, состоявшей главным образом из военных и должностных лиц, установление жесткого полицейского надзора над прессой и театральными спектаклями, которые должны были служить укреплению нового режима.

Изучая внешнеполитическую деятельность Наполеона на фоне образования в Европе новых государств, Э. Лёверс задается вопросом, насколько правомерно именовать созданную императором систему «федеративной» и тем более способствующей прогрессу цивилизации, как в 1815 г. утверждал сам Наполеон? «Федеративная система является не союзом равноправных и свободных суверенных территорий, а господством одной страны в расширенных за счет вассальных или подчиненных государств границах», – заключает он (с. 218). Не отрицая частичную ответственность этой политики с внешнеполитическим курсом Директории в области учреждения «дочерних республик», автор, тем не менее, отмечает и существенное отличие между тем и другим, проявившееся в преобладании формы монархического правления над республиканской. Помимо того, «федеративная система» Наполеона изначально была подчинена военной цели покорения Великобритании посредством «континентальной блокады». Рассматривая, как при Наполеоне эволюционировала политика Франции по отношению к подвластным государствам, которая и при Директории уже была не слишком гуманной, автор убедительно доказывает захватнический характер Наполеоновских войн.

В то же время Э. Лёверс ни в коей мере не стремится умалить значение позитивных нововведений Наполеона в покоренных странах, таких как упразднение «феодализма» и крепостничества, провозглашение равенства всех перед законом, предоставление религиозной свободы, введение Гражданского кодекса. Таким образом, автор убедительно раскрывает двойственный характер результатов Наполеоновских войн.

В заключение Э. Лёверс констатирует, что после в 1815 г. Франция полностью преобразилась, поскольку ничего больше не напоминало

о том, какой она была до 1789 г.: «Общество реорганизовано, экономика, семейные отношения и религиозное сознание претерпели перемены, учреждения больше не похожи на имевшиеся в предыдущем столетии» (с. 248).

Книга Э. Лёверса – образцовый пример исторического обобщения на основе комплекса конкретных исследований, проведенных в предшествующий период коллегами автора. Она может послужить не только специалистам как путеводитель по научной литературе, посвященной революционной и наполеоновской эпохам, но и всем интересующимся историей того периода, в том числе студентам вузов, как учебное пособие.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>